В.В. Каргалов

РУССКИЕ ВОЕВОДЫ XVI–XVII вв.

РОССИЯ
МОЯ ИСТОРИЯ

Россия. Моя история

Вадим Каргалов

Русские воеводы XVI–XVII вв.

«ВЕЧЕ»

2005

Каргалов В. В.

Русские воеводы XVI–XVII вв. / В. В. Каргалов — «ВЕЧЕ», 2005 — (Россия. Моя история)

ISBN 978-5-4484-7981-6

Книга известного историка В.В. Каргалова рассказывает о выдающихся полководцах эпохи образования и укрепления Московской Руси, воеводах конца XV, XVI и XVII столетий. Московские воеводы сменили на полях сражений полководцев-князей при «государе всея Руси» Иване III Васильевиче и выполняли свою историческую миссию по обороне и расширению Российского государства вплоть до петровского времени, до создания русской регулярной армии, когда им на смену пришли новые воинские чины – фельдмаршалы и генералы. Многие из московских воевод – Даниил Щеня, Михаил Воротынский, Михаил Скопин-Шуйский, Григорий Ромодановский – неизвестны или малоизвестны широкой публике.

ISBN 978-5-4484-7981-6

© Каргалов В. В., 2005
© ВЕЧЕ, 2005

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин 8
Глава 2. Даниил Щеня 14
Глава 3. Михаил Воротынский 22
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Вадим Викторович Каргалов
Русские воеводы XVI–XVII вв

© Каргалов В.В., наследники, 2018
© ООО «Издательство „Вече“», 2018
© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

…и все русские князи
и воеводы, и все воинство
подаша на землю
предъ великим князем…
Из «Сказания о Мамаевом побоище»

Предисловие

Рубеж XV и XVI столетий – эпоха образования могучего Российского государства.

Завершалось объединение русских земель под властью «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, создавалось общерусское войско, которое пришло на смену княжеским дружинам и феодальным ополчениям.

Это было время формирования русской народности. Само название «Россия» появилось именно в этот период, заменив прежнее – «Русь».

Было свергнуто ордынское иго, больше двух столетий тяготевшее над русскими землями. Россия начала успешную борьбу за возвращение западнорусских земель, захваченных литовскими феодалами, нанесла серьезные удары своим извечным врагам – ливонским рыцарям-крестоносцам. Казанский хан фактически стал вассалом великого московского князя.

Россия получила международное признание как большое и сильное государство. В западноевропейской генеалогии многие авторы начинали родословную русских правителей «от Иоанна III».

«К концу своего княжения Иван становится совершенно независимым государем: женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению. Литва ущерблена, и великий князь ее – игрушка в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены.

Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах (К. Маркс)».

Для достижения всего этого потребовались огромные военные усилия, целая серия победоносных войн. Обстановка военной тревоги была повседневным бытом, служилые люди почти не слезали с коней.

Казалось бы, Иван III должен непрерывно находиться в походах, возглавлять полки в сражениях. В действительности же такого не было. Немецкий посол Сигизмунд Герберштейн с удивлением писал: «Лично он только раз присутствовал на войне, именно, когда подвергались захвату княжества Новгородское и Тверское… великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а он сам, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы».

Не понимал этого и кое-кто из соотечественников.

Политические противники упрекали великого князя в нерешительности и даже сомневались в его личном мужестве – к сожалению, эти упреки повторили и некоторые историки.

К Ивану III нельзя подходить с мерками «удельного периода», когда князья выходили в бой со своим «двором» и дружинами «подручных князей», только своим авторитетом обеспечивая единство действий и руководство боем. На рубеже XV и XVI столетий происходило то, что известный военный историк А.Н. Кирпичников называет крутой ломкой традиционной системы вооружения и тактики боя. Сущность этой ломки заключалась в переходе от феодальных ополчений к общерусской армии.

Основу армии теперь составляли «государевы служилые люди», дворянская поместная конница, объединенная в полки под командованием великокняжеских воевод. Все назначения тщательно фиксировались в разрядных книгах, там же указывались цели похода. Дворянская конница имела хорошее защитное вооружение («дощатые брони»), удобные для рукопашного боя сабли, легкое огнестрельное оружие – «ручницы».

Появились новые военные формирования – отряды «огненных стрельцов», или «пищальников», и «наряд» (артиллерия). «Пищальники» набирались из горожан и тоже ставились под командование великокняжеских воевод. Пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, было уже достаточно. Например, Новгород и Псков обязаны были выставлять по приказу великого князя по одной тысяче «пищальников». Из сельского населения в пехоту набиралась «посошная рать».

Была разработана четкая система сбора ратных людей. В этих условиях непосредственное ведение военных действий возлагалось на великокняжеских воевод.

«Большим воеводам» перед походом вручался «наказ», подробная инструкция, где поименно перечислялись полковые воеводы, указывалось, где и как поставить полки, как организовать их взаимодействие, как поступить в той или иной конкретной ситуации.

Составители «наказа» не сковывали инициативы воевод, наоборот, непрерывно подчеркивали, что полки следует ставить «где пригоже», поступать «посмотря по делу».

Русская армия эпохи образования Российского государства, национальная по составу (в армиях западноевропейских государств преобладали тогда наемники-иностранцы), решавшая национальные задачи по обороне Отечества от внешних врагов и по возвращению захваченных русских земель, выдвинула немало способных полководцев, в верности и военных способностях которых «государь всея Руси» мог быть уверен. Это делало необязательным личное присутствие Ивана III на театре военных действий. Как верховный командующий он должен был охватывать своим руководством всю страну, и часто это было удобнее делать из столицы. К тому же в связи с выходом Российского государства на мировую арену увеличилось значение дипломатической подготовки войны. Заботой великого князя было также и политическое обеспечение войны. Централизация еще только началась, поэтому внутреннее сплочение было решающим условием победы над внешними врагами, его должен был обеспечить «государь всея Руси», и бывали моменты, когда чисто военные дела как бы отодвигались на второй план.

Иван III был не только выдающимся государственным деятелем и дипломатом, он был и выдающимся военным деятелем, оставившим заметный след в развитии военного искусства.

Сигизмунд Герберштейн ошибался: Иван III принимал личное участие во многих военных событиях второй половины XV в., в том числе в знаменитом «Стоянии на Угре» в 1480 г. Однако наблюдательный немец правильно отметил новую тенденцию – непосредственное руководство военными действиями московских, «государевых», воевод.

Только к исходу XVII в., в петровское время, после создания регулярной армии, их сменяют фельдмаршалы и генералы.

Глава 1. Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин

По традиции, начало присоединения к Российскому государству Западной Сибири связывается с именем прославленного атамана Ермака Тимофеевича, который со своей казацкой вольницей в начале восьмидесятых годов XVI столетия приплыл на реку Иртыш, разгромил хана Кучума и потом «бил челом Сибирским царством» царю Ивану IV Грозному. В действительности же присоединение Западной Сибири началось значительно раньше: в 1483 г. князья Федор Черный и Иван Салтык-Травин возглавили большой поход в сибирские земли.

Восьмидесятые годы – славное время отечественной истории. Россия разгромила Ахмед-хана, ненавистное ордынское иго окончательно свергнуто.

Но с ордынской опасностью еще не было покончено. Еще кочевали в Диком поле, поблизости от русских рубежей, остатки Большой Орды, и «Ахматовы сыновья» замышляли новые набеги. Казанцы начали нападать на заволжские земли. Ногайцы тоже участвовали в набегах на русские земли. К союзу с Казанью склонялось Сибирское ханство во главе с ханом Ибаком. Складывалось нечто вроде единого фронта татарских «царств» – от Волги до Иртыша, – враждебного России. Самым же опасным было то, что под угрозой оказались новые русские владения в Приуралье – Великая Пермь.

Приуральские владения и раньше подвергались набегам со стороны вогулов (манси), живших по обе стороны Уральских гор.

Особую активность в нападениях проявлял вогульский «князь» Асыка, владетель «княжества Пелымского».

Однако цели похода были гораздо шире, чем желание наказать вероломного вогульского «князя» и обезопасить восточные владения России.

К тому времени стала реальной угроза подчинения всей Западной Сибири сибирскому хану. Хан Ибак уже продвинул свои владения до Тавды и Среднего Иртыша. Только защита и покровительство со стороны России могли остановить агрессию. Добровольное присоединение сибирских князей к Российскому государству – вот чего должны были добиваться посланные в Западную Сибирь русские воеводы. Таким образом, перед ними стояли и военные, и дипломатические задачи. Кроме того, внушительная военная демонстрация в непосредственной близости от Сибирского ханства должна была нарушить «единачество», которое начало было складываться между казанским «царем» Али-ханом и сибирским «царем» Ибаком.

Силы для похода привлекались значительные. В состав «судовой рати» вошли отряды из Вологды и Великого Устюга, из Двинской земли, Приуралья. Однако основу ее составляли великокняжеские служилые люди. И возглавили поход «государевы воеводы».

Князь Федор Семенович Курбский Черный принадлежал к верхушке феодальной знати. Свою родословную Курбские вели от внука киевского князя Владимира Мономаха – Ростислава Смоленского. Один из предков воеводы, тоже по имени Федор и по прозвищу Черный, стал во второй половине XIII в. ярославским князем, от него и произошли Курбские. Первым принял это имя (по вотчине на реке Курбице в 25 км от Ярославля) князь Семен, отец воеводы. В разрядной книге Ф.С. Курбский Черный упоминается среди «больших воевод», которые были посланы в 1482 г. в Нижний Новгород «беречь от Алегама царя»: «судовая рать ходила по Волге мало не до Казани, и много повоевав, возвратилась». Не этот ли опыт командования большой «судовой ратью» послужил причиной назначения князя Федора Курбского Черного в сибирский поход?

Не менее известным человеком был и воевода Иван Иванович Салтык-Травин. Он тоже вел свою родословную от смоленских князей. Прадед воеводы – Иван Собака – был боярином

при двух московских князьях: Дмитрии Донском и Василии I, прославился строительством белокаменного Кремля в Москве в 1367 г. Дед – Семен Трава – тоже имел боярский чин. Однако его сыновья, в том числе и отец Салтыка-Травина, уже были «государевыми служилыми людьми». Впрочем, Иван Салтык-Травин сохранил часть родовых вотчинных владений, был связан с верхушкой московского боярства, хотя сам боярского чина не получил. Он тоже имел опыт вождения «судовой рати». В 1469 г. Иван Салтык-Травин упоминается в списке «детей боярских», ходивших походом на Вятку, а позднее «судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин» сам возглавляет большие походы.

Такое «парное» назначение было обычным для того времени. Формально во главе рати ставился потомок великих или удельных князей, который своей знатностью придавал авторитет всему предприятию, но ему «в товарищи» назначался опытный и способный воевода, и часто фактическим руководителем являлся именно последний. Наверное, так было и на этот раз. Летописные сведения противоречивы: в Устюжском летописном своде и в Никоновской летописи первым поименован Курбский Черный, а вторым – Салтык-Травин, в Вологодско-Пермской летописи – наоборот.

Летописи при описании походов того далекого времени обычно не балуют историков точными датами и географическими ориентирами. Сибирский поход 1483 г. – исключение: «Пошла рать с Устюга мая в 9 день», – сообщает летописец.

«Судовая рать» поплыла от Великого Устюга вниз по реке Сухоне на больших кораблях с палубными надстройками и плоскими днищами – насадах, и на ушкуях – кораблях поменьше, но все же вмещавших до тридцати человек с оружием и припасами.

По обжитой Двинской земле плыли легко и весело. Из устья Сухоны свернули в Северную Двину, потом свернули в реку Вычегду, пошли на веслах, останавливаясь возле городков, принимая местные отряды.

До этого места путь «судовой рати» бесспорен – к «Камню» из Великого Устюга всегда ходили по реке Вычегде. Но дальше было два пути – печорский и камский.

В данном случае первый путь не подходил: по нему «судовая рать» уклонилась бы далеко на север, в сторону от цели похода – «княжества Пелымского». Оставался камский путь.

На реку Каму можно было попасть, свернув с Вычегды в ее приток – Кельтму-Вычегодскую. Она вытекала из большого болота, называемого Гуменцо. С другой стороны этого болота брала начало уже Кельтма-Камская, впадавшая в Каму. Расстояние между истоками этих двух речек было совсем небольшим, лишь «малое болотце, мерою не более двух верст», как указывалось в географических описаниях прошлого века. Весной и в дождливое лето это болото было проходимо для судов, если идти не на веслах, а толкать их шестами. Думается, именно так и вышла на Каму «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина.

Судовой караван выплыл на простор Камы, спустился до притока ее речки Вишеры, где стоял последний русский город Чердынь.

Близ устья речки Вилсуй, притока Вишеры, караван остановился. Здесь был поворот прямо к «Камню»: по Вилсую и дальше, до самого перевала. Вот тогда-то и начались настоящие горные речки.

Не вода была в Вилсуе – камни пополам с пеной. Ушкуи тянули бечевой, сложив на палубах бесполезные весла. Ратники скользили на мокрых камнях, срывались в бешено кипящую воду, снова упрямо хватались за бечеву. И так – верста за верстой, день за днем, без устали. Совсем близко уже Растесный камень, за которым кончалась река и начинались горы. По другую сторону перевала были истоки первой сибирской речки Коль, притока Вижая. А речка Вижай вливалась в большую уже реку Лозьву, которая протекала по окраине «княжества Пелымского», владения «князя» Асыки. Небольшое, кажется, расстояние по сравнению с двумя тысячами верст предыдущего водного пути, но с каким трудом пришлось его преодолевать!

Летописцы не сообщили никаких подробностей небывалого горного волока через перевалы Среднего Урала, но можно предположить, каких неимоверных усилий это стоило, чтобы перетащить на руках через «Камень» тяжелые суда, «тюфяки» и пищали, припасы и снаряжение, необходимые для сражений и многомесячного похода по «земле незнаемой».

Вполз судовой караван на перевал, начался спуск – тоже нелегкий и опасный.

Верст за 80 до устья Лозьвы стали попадаться шалаши, крытые берестяными полотнищами, или паулы – селенья вогульских охотников и рыболовов.

В этом году, испугавшись «судовой рати», вогулы разбежались по лесам, и до самого Пелымского городка воеводы не встретились с ними.

Кое-что об этом «княжестве» воеводам удалось узнать от «мирных вогуличей», поселившихся в пермских землях, от пленных, захваченных во время прошлых набегов. Было известно, что несколько юртов (больших вогульских семей) объединялись в волость, под властью своего «князца». Центром был укрепленный городок – уш, где жил князек со своими родственниками, слугами, дружиной богатырей – уртов. Важнейшие вопросы решались на собрании воинов, где каждый взрослый мужчина мог сказать свое слово, но большим влиянием пользовались старейшины юртов. Для «князца» собирали ясак беличьими шкурками, рыбой, вяленым мясом диких зверей. Но настоящей власти у «князца» не было. Старейшины юртов могли послушаться его, а могли откочевать со своими родичами, и тогда разыскать их в лесах было почти невозможно. Могущество «князца» зависело от благорасположения старейшин: хотели – посылали в городок своих воинов, не хотели – «князец» оставался с немногочисленными уртами.

Также и «большой князь» Асыка, считавшийся повелителем обширных земель от «Камня» до великой реки Оби, не был хозяином своего княжества. Каждый малый «князец» мнил себя самостоятельным владетелем. Собрать «князцев» вместе могла только общая выгода или опасность.

Но даже если Асыке удавалось собрать на совет всех «князцев», старейшин и богатырей, не ему принадлежало последнее слово, а главному шаману (слуге Нуми-Торума[1] – Хозяина Верхнего Мира).

Известие о том, что русские воины на больших лодках перелезли через «Камень» и плывут по сибирским рекам Лозьве и Тавде, приближаясь к столице «князя» Асыки, обеспокоило «князцев» и старейшин. Тюменские татары давно нападали на вогульские земли, но они воевали окраины, а русские суда плыли к Пелымскому городку, который боги избрали для своего обитания. И дружины вогульских «князцев» начали собираться по зову Асыки. Здесь, при впадении Пелыма в реку Тавду, «большой князь» Асыка решил дать бой пришельцам.

…«Князцы» и старейшины в окружении уртов и старших слуг важно шествовали к белой юрте Асыки. Пир продолжался целый день. Возле шатра пировали урты. Асыка не жалел припасов. Известно ведь, что сытый воин – сильный воин.

Простые воины, охотники и рыболовы ставили шалаши поодаль, о чем-то шептались. Многоопытному Асыке это не нравилось. Урты бодры и веселы, они готовы сражаться с кем угодно и где угодно, в этом их жизнь, их предназначение. Но почему молчаливы и пасмурны воины из паулов? Почему их так мало? Не пришли воины с Лозьвы, Конды… Да и «князцы» явились не все…

А «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина уже плыла по реке Тавде к городку.

Всполошились вогуличи, узрев ее, толпой побежали к берегу. Навстречу каравану вынеслись легкие берестянки с вогульскими лучниками. Их отогнали выстрелами из пищалей и «тюфяков», не дали пустить стрелы.

---

[1] Нуми-Торум – медведь, верховное божество вогулов, по преданию, спустился с неба и поселился в Уральских горах.

Ушкуи подплывали к берегу, где стояли, выставив копья с наконечниками в виде двусторонне заточенного ножа и охотничьи рогатины, воины из паулов. Снова залп из пищалей, «тюфяков», «ручниц». Берег затянуло клубами черного порохового дыма. Прямо с бортов прыгали на песок вологжане, вычегжане, сысоличи, вымичи, устюжане. Московские дети боярские перезаряжали «ручницы» и стреляли с ушкуев. Дрогнули вогуличи и начали разбегаться.

Дольше держались богатыри-урты. У них были мечи, удобные для рукопашного боя, а у богатых – даже кольчуги, которые попадали к вогулам от татар и ценились очень дорого. Но устоять против русских ратников, вооруженных легкими и удобными для боя саблями, защищенных панцирями и кольчугами, они не смогли. Когда «князь» Асыка в окружении своих телохранителей поскакал к близлежащему лесу, побежали и они…

Было это 29 июля 1483 г.

Летописные известия позволяют восстановить некоторые подробности боя. Никоновская летопись сообщает, что вогульский «князь немного бился с ними и побежал в непроходимые места и стремнины», то есть бой был быстротечным, упорного сопротивления вогулы не оказали. Победа была одержана с минимальными потерями русской стороны, о чем свидетельствует рассказ устюгского летописца: «На том бою убили устюжан 7 человек, а вогуличей пало много, а князь вогульческой убежал».

Конечно, «судовая рать» имела явное превосходство в вооружении (огнестрельное оружие, доспехи), но только этим нельзя объяснить такой быстрый успех. Видимо, местное население не имело особого желания сражаться с русскими. Простые охотники и рыболовы соседствовали с пермяками, часть вогульских родов, живших западнее Уральских гор, уже давно стали русскими подданными. Перед сибирскими «народцами» стоял выбор: попасть под власть «тюменского царя» Ибака или искать покровительства России. Последнее по многим причинам было предпочтительнее.

Показательно, что после разгрома и бегства «князя» Асыки больше не было сражений с вогулами.

С разгромом Асыки была достигнута непосредственная цель похода: «княжество Пелымское» больше не могло угрожать «Перми Великой», но воеводы решили идти дальше, на Обь, где властвовал «большой князь» Молдан и другие сибирские «князья». И здесь обошлось без больших сражений. Летописцы отмечали только, что воеводы «князей югорских воевали и в полон вели», «поймали князя Молдана на реке Оби и княжьих Екмычеевых двух сынов поймали». Захват знатных заложников впоследствии сыграл важную роль в подчинении вогульских и остяцких племен. О боевых потерях летописцы вообще молчат, хотя отметили, что «в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Видимо, сказались тяготы дальнего похода, непривычная пища.

Только здесь, на реке Оби, воеводы поняли, что есть враг много опаснее, чем вогульские лучники и дружины богатырей-уртов, – это немереные сибирские расстояния.

Обратный путь страшил своей протяженностью, и на этом пути предстоял еще один каменный волок…

…В нижнем течении река разделилась на два рукава. По левому – Малой Оби – и поплыла «судовая рать», постепенно отклоняясь к западу. Среди плоской равнины тихо вливалась в великую реку Обь тоже немалая река Сосьва, истоки которой стекали с Северного Урала. По Сосьве пролегал дальнейший путь «судовой рати» – домой, в Великий Устюг.

Верстах в 15 от устья Сосьвы стояла столица югорского «князя» Пыткея – Сумгу-вош (Березовый городок, ныне город Березов). И здесь обошлось без боя: местные жители принесли на суда ясак и пропустили дальше по реке.

Речка Ляпин, приток Сосьвы, встретила судовой караван многочисленными излучинами, островами, мелями. Впереди уже синими горными цепями маячил «Камень».

Приступали к «Камню», как к стенам вражеской крепости, – яростно тянули бечеву и простые ратники, и воеводы. После каменного волока даже пороги и водовороты речки Щугор показались благом.

Печора встретила ратников холодными северными ветрами, секущими злыми дождями, но если даже зазимовать придется, то на своей земле. А можно и успеть – почти месяц до ледостава, а речной путь известен: Печора, Ижма, Ухта, Вымский волок, сама река Вымь, Вычегда, Двина, Сухона – и вот он, родимый Устюг!

1 октября 1483 г. «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина возвратилась в Великий Устюг. Шесть месяцев продолжался поход, пройдено, по самым скромным подсчетам, более 4,5 тыс. км!

Военный успех похода был несомненный, оставалось ждать его политических результатов.

Ждать пришлось недолго. В том же году, по сообщению летописца, «приходили к великому князю от вогульского князя Юмшана, Асыкина сына, бить челом об опасе[2] шурин его вогулянин Юрга да сотник его вогулянин Анфим». Согласие Ивана III на посольство было конечно же сразу получено: речь шла об установлении вассальной зависимости сибирских князей, в чем было заинтересовано Российское государство. И уже весной 1484 г. в Москву прибыло представительное посольство.

Формула договора не вызывает сомнений: все сибирские князья (имеется в виду Западная Сибирь, присоединение Восточной относится к XVII в.) признали вассальную зависимость от России, обязались платить ежегодную дань. В дипломатических документах конца XV в. титул «государя всея Руси» был дополнен словами: «великий князь Югорский, князь Кондинский и Обдорский». Западная Сибирь оставалась «под рукой» России и при великом князе Василии III.

По-разному складывались русско-сибирские отношения впоследствии. В 30–40 гг. XVI в., когда казанские татары резко усилили свои набеги на русские земли в Поволжье и Приуралье, эти связи временно прерывались. Но после разгрома Казанского ханства в 1552 г. в Москву поспешило сибирское посольство, полностью признавшее власть Ивана IV Грозного над Западной Сибирью.

В грамотах иноземным государям царь Иван Грозный по праву именовал себя «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель». Когда в 1557 г. «пришел от Едигеря, князя Сибирского, посол Боянда, а привез дани семьсот соболей», то Иван Грозный счел такую дань недостаточной и «на сибирского посла опалу положил». В следующем же году новые послы от Едигера «привезли дань Сибирской земли сполна» и клятвенную грамоту «с княжею печатью», обязавшись «впредь ежегодно дань царю и великому князю с всей Сибирской земли давать». Сам Едигер писал, что «учинился в холопстве», то есть полностью признавал власть Ивана Грозного над собой. Сибирский «царь» Кучум, убивший Едигера, тоже начал с того, что в 1571 г. прислал ясак в том же размере, что и прежде. Но затяжная и принявшая неудачный для России оборот Ливонская война привела к временному разрыву русско-сибирских отношений: «царь» Кучум перестал присылать ясак, занял враждебную позицию. Тогда-то и последовал поход Ермака, с которым связывают начало присоединения Сибири.

Но это уже заблуждение позднейших историков. Во времена Ермака Сибирь считали «вечной вотчиной» московских государей, которой они владели «искони», уже почти столетие. Сохранился интересный отрывок из наказа «приставам», которые встречали в 1586 г. польского посла М. Гарабурда. На вопрос посла: «А нечто спросят про Сибирь, каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроено?», «приставам» было велено ответить так: «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий

[2] Опас – охранная грамота для иноземных послов.

государь Иван Васильевич всея Руси, царя и государя и великого князя Федора Ивановича прадед, тому ныне близко ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными».

Великие свершения предков живут памятью народа, а память питается историческим знанием. Пусть портретная галерея памяти пополнится именами воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина, с которыми связано действительное начало присоединения Сибири, ставшей исконно русской землей.

Глава 2. Даниил Щеня

Даниил Васильевич Щеня был отдаленным потомком великого князя литовского Гедимина. Но предки воеводы, князья Патрикеевы, давно перешли на московскую службу и занимали видное место при дворе великого князя Василия II Темного (1425–1462). Дед воеводы, князь Иван Юрьевич Патрикеев, считался первым в военной иерархии Российского государства. Но не знатность и не родственные связи выдвинули Даниила Щеню, а выдающиеся военные способности.

О детстве и юности Даниила Щени неизвестно ничего. Первый раз «государева разрядная книга» упомянула его имя в 1475 г. среди двенадцати бояр, сопровождавших Ивана III во время поездки «в свою отчину в Великий Новгород миром».

Боярин, придворный, дипломат – так начинал свою службу Даниил Щеня. А военное поручение он впервые получил в 1489 г., когда «послал князь великий Иван Васильевич всея Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича Щеня да Григория Васильевича Морозова и иных воевод со многою силою».

16 августа 1489 г. была взята столица Вятской земли – город Хлынов. «Изменники и коромольники» схвачены и отосланы в Москву. По свидетельству летописца, «писались вятчане в слуги великому князю», приняли московского наместника. О признании власти великого князя заявили и «арские князья». Вятская земля окончательно вошла в состав Российского государства.

Это был единственный, если так можно сказать, внутренний поход воеводы. Дальнейшая его военная судьба оказалась связанной с западной границей, где решался жизненно важный для России вопрос – возвращение русских земель, захваченных Литвой.

Великое княжество Литовское воспользовалось ослаблением Руси после страшного Батыева погрома для расширения своих владений. В конце XIII в. великие литовские князья присоединили Полоцкую землю с городами Полоцком, Минском, Витебском; в начале следующего столетия – Турово-Пинское княжество. Затем к Литве отошли Волынь, Подолия, Киевское и Чернигово-Северское княжества, Смоленская земля. По подсчетам историков, собственно литовцев в государстве было не более одной трети, его часто даже называли Литовско-Русским. Но связанное с Польшей династической унией Великое княжество Литовское проводило враждебную России политику.

Каменные стены Московского Кремля неоднократно осаждались литовскими ратями. Литовская граница проходила в ста километрах от Москвы. Можайск был порубежным городом. На юго-западе литовские владения вплотную подступали к Калуге. На северо-западе за Литвой оставались города Великие Луки, Ржев и Торопец.

Русские князья, оказавшиеся под властью Литвы, стремились к воссоединению с Россией. Юридическое положение этих князей было неопределенным. Считалось, что они «служили на обе стороны» – России и Литве. Это давало легальную возможность для перехода на «московскую службу», и многие русские князья воспользовались этим. «Отъехали» от Литвы князья Воротынские, Бельские, Мезецкие, Одоевские – конечно, вместе со своими городами и землями.

Польский король Казимир IV, который одновременно являлся великим литовским князем, посылал в Москву посольства с протестами, но они неизменно отклонялись.

Когда «королевские люди» пытались препятствовать «отъездам» русских князей силой, на помощь последним приходили московские воеводы с полками. Почти на всем протяжении русско-литовской границы начались военные действия, которые историки называют «странной войной» (1492–1494). Формально война между Россией и Великим княжеством Литовским не объявлялась, великокняжеские полки в ней не участвовали, военные действия против «коро-

левских людей» вели местные князья. Московские пограничные воеводы и наместники участвовали в них будто бы по своей инициативе.

Даниил Щеня в то время был «большим воеводой» в Твери. С его именем связан один из самых удачных походов «странной войны» – взятие Вязьмы (1493).

5 февраля 1494 г. после длительных переговоров был подписан мирный договор с Литвой. Этот «мир» представлял собой, конечно, лишь временную передышку, остановить процесс воссоединения русских земель было уже невозможно.

А пока великий князь Иван III выиграл время для решения еще одной важной внешнеполитической задачи – оказание отпора шведским феодалам, которые захватили Финляндию и подбирались к Великому Новгороду. С прошлого века шведы удерживали три новгородские волости на севере Карелии. Ими была построена сильная крепость Выборг, которая стала плацдармом для нападений на русские владения на Ладожском озере и на реке Неве. Дальнейшее продвижение шведов становилось опасным…

В пограничной войне с Литвой Даниил Щеня был одним из многих воевод, пусть отличившимся дерзким рейдом на Вязьму, но ничем другим не выделявшимся. Поход на шведов был его первым самостоятельным походом.

Военные действия начались в июне 1495 г. Передовые отряды русского войска, небольшие по численности, вошли в Карелию. Они вели разведку, громили пограничные заставы. В августе в поход выступили главные силы: из Москвы – «большой воевода» Даниил Щеня с великокняжескими полками, из Новгорода – воевода Яков Захарьин, из Пскова – наместник князь Василий Шуйский.

8 сентября 1495 г. русское войско подошло к Выборгу, каменные стены и башни которого шведы считали неприступными, к тому же русские не имели опыта штурма таких крепостей.

Началась осада, длившаяся 3 месяца. Действия Щени оказались неожиданными для шведских военачальников. При осаде Выборга он применил артиллерию, крупнокалиберные пушки и пищали, которые, по словам автора шведской хроники, причинили защитникам крепости «много горя». Вместо трудоемких и опасных из-за обстрела со стен «примётов» (искусственных насыпей) были использованы штурмовые лестницы. Таких приемов осады еще не знала история русского военного искусства.

Пока главные силы готовились к приступу, конные отряды опустошали окрестные земли, разрушали шведские опорные пункты.

Штурм Выборга начался 30 ноября 1495 г.

Пушечным огнем были разрушены две башни, в третьей – пробит большой пролом, через который небольшому отряду удалось ворваться в башню и засесть там. Другие отряды взошли на стены и удерживали их 7 часов.

Русских, ворвавшихся в крепость, становилось все меньше, но никто не сдавался, предпочитая смерть позорному плену…

Повторять штурм русские воеводы не стали. Можно только гадать о причинах: то ли потери оказались слишком тяжелыми, то ли приближение зимы заставляло торопиться с возвращением – ведь для подготовки нового штурма требовалось время…

25 декабря 1495 г. русское войско возвратилось в Новгород.

17 января 1496 г. еще одна русская рать выступила в поход «на Свейское королевство». Ее вели воеводы князь Василий Косой Патрикеев и Андрей Челяднин. На этот раз «ратный путь» пролегал по Южной Финляндии. Русские с ходу взяли крепость Нишлот, затем двинулись к городу Або. Правитель Швеции Стен Стуре начал спешно собирать войско, однако эти приготовления оказались бесполезными. Русские воеводы узнали о выступлении Стена Стуре с сорокатысячной армией и уклонились от невыгодного для них сражения. Искусными маневрами они ушли от погони и возвратились «с полоном многим» в Новгород.

…В августе 1496 г. шведы сумели взять неожиданным приступом Ивангород и устроили поголовную резню. Но уже через несколько дней они бежали, узнав о приближении войска из Пскова.

В марте 1497 г. в Новгороде было заключено перемирие со шведами сроком на шесть лет. Для России это было крайне необходимым: вот-вот ожидалось возобновление войны с Великим княжеством Литовским. «Мир» 1494 г. не прекратил «отъезды» порубежных князей на «московскую службу». «Отъехали владетели Чернигово-Стародубского и Новгород-Северского княжеств – Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич, затем князья Трубецкие и Мосальские со своими городами и волостями. Великий князь литовский Александр попытался воспрепятствовать этому. Тогда воевода Яков Захарьин занял Брянск и быстро привел князей „к крестному целованию“».

Так началась Русско-литовская война 1500–1503 гг.

Начало войны сложилось в пользу России. Почти без сопротивления «передавались» русским воеводам Путивль, Мценск, Серпейск, Стародуб, Гомель, Любич, Новгород-Северский, Рыльск. О сущности стратегического плана Ивана III мы узнаём из сочинения германского посла С. Герберштейна: «Первый отряд направляет он к югу против Северской области, второй на запад, против Торопца и Белой, третий помещает он посередине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого будет замечено движение литовцев». Вот этой-то «частью войска», то есть стратегическим резервом, и командовал Даниил Щеня. Пока не определились намерения литовского князя, полк Щени стоял в Твери, откуда было удобно идти и к ливонской границе. Литва вела активные переговоры о союзе с Ливонским орденом, поэтому нельзя было исключать вмешательство в войну ливонских рыцарей.

Тройной удар по Литве развивался успешно. На юге Яков Захарьин, Иван Репня-Оболенский, Тимофей Тростенский и другие московские воеводы взяли почти всю «Северскую землю». В центре воевода Юрий Захарьин «с товарищами» неожиданным приступом захватил Дорогобуж, последнюю литовскую крепость на пути к Смоленску, что весьма обеспокоило великого князя Александра, спешно отправившего туда войско во главе с гетманом Константином Острожским, выдающимся военачальником.

Войска у воеводы Юрия Захарьина было немного. Иван III верно оценил обстановку: наступил момент вводить в дело стратегический резерв. И он «послал к Юрью на помощь воеводу боярина своего князя Данила Васильевича Щеня с тверскою силою».

Успели подойти к Дорогобужу и русские подкрепления с юга. Была проведена новая «роспись» полкам. Общее командование принял Даниил Щеня, воевода большого полка. Юрий Захарьин принял сторожевой полк.

Здесь произошел эпизод, очень характерный для местнических порядков: пониженный в должности Юрий Захарьин жаловался великому князю на «умаление чести». Ответ Ивана III был немедленным и резким: «Гораздо ли так чинишь, говоришь: в сторожевом полку быть тебе не пригоже, стеречь князя Данилов полк? Ино тебе стеречь не князя Данилу, стеречь тебе меня и мое дело!»

Под Дорогобужем собралось 40 тыс. русских воинов, у гетмана Острожского было 35–40 тыс. человек, у той и другой стороны были пушки и пищали. Силы были примерно равными. Исход сражения решался военным искусством полководцев и мужеством простых воинов.

Русское войско расположилось станом на Митьковом поле, в 5 км западнее Дорогобужа. Место было выбрано очень удачно: здесь проходила единственная удобная дорога от Смоленска к Дорогобужу. Правый фланг русской рати прикрывал Днепр, противоположный болотистый берег которого исключал возможность обходного маневра литовцев. Левый фланг упирался в большой лес, а впереди, за полем, верстах в двух, протекала речка Ведроша, приток Днепра. В лесу укрылся засадный полк. Важно было заманить литовцев на Митьково поле,

заставить их перейти Ведрошу и втянуться в бой с большим полком. Тогда удар русского засадного полка мог переломить ход сражения. Даниил Щеня намеревался не просто остановить и отбросить гетмана, но полностью разгромить его армию.

План воеводы удался. Разгром был полный, отборная армия гетмана Острожского фактически перестала существовать.

Это сражение произошло 14 июля 1500 г. Литве нанесли сокрушительное поражение, исключавшее активные военные действия с ее стороны. Победа на реке Ведроше закрепила предыдущие военные успехи; отошедшие к России Чернигово-Северские земли избавлены от опасности литовских вторжений.

Тем не менее взять Смоленск в 1500 г. не удалось. Русские потери под Ведрошей тоже были значительными, быстро пополнить полки оказалось невозможно. Недалеко от степной границы кочевали орды «Ахматовых детей», остатки Большой Орды. До наступления зимы эта опасность сохранялась, и пришлось держать часть войска на юге. А зимний поход на хорошо укрепленный Смоленск был сопряжен с большими трудностями.

Было и еще одно обстоятельство, пожалуй, самое важное, – реальной стала возможность нападения со стороны Ливонского ордена. Даниил Щеня вернулся в Тверь, куда приехал и сын великого князя – Василий Иванович. Здесь собирались главные силы русского войска, которые могли при необходимости выступить как против Литвы, так и против Ордена.

В августе 1501 г. магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг подступил к Изборску. Ответные действия новгородских и псковских воевод оказались неудачными: русские потерпели поражение и поспешно отступили к Пскову. Тогда в Великий Новгород был направлен Даниил Щеня, назначенный «большим воеводой» и наместником. Фактически Иван III возложил на него руководство всей войной с Ливонским орденом.

В октябре 1501 г. русские полки быстро вошли в Ливонию, разрушая по пути рыцарские замки. Первое сражение произошло у Гельмеда, в 80 верстах от границы. По свидетельству летописца, «воеводы великого князя одолели». От Гельмеда рать Даниила Щени пошла на север, мимо Юрьева к Колывани (Ревелю), затем повернула на восток, к Нарве. В ноябре она снова пересекла ливонско-русскую границу возле Ивангорода, совершив огромный полукруг по Ливонии и опустошив все епископство дерптское, половину епископства рижского, области Мариенбурга и Нарвы, т. е. добрую треть Ливонии. Орден долго не мог оправиться от опустошительного «ответного визита».

С весны 1502 г. возобновились набеги ливонцев на псковское пограничье, но они отражались псковскими воеводами. 2 сентября Плеттенберг, не взяв Изборска, прошел к Пскову. 6 сентября рыцарское войско «с пушками» подступило к Пскову, обстреляло его. Псковичи отбили несколько приступов. На третий день магистр снял осаду.

Воевода Даниил Щеня, снова посланный великим князем в Новгород, бросился на помощь Пскову. Видимо, московского войска у него было немного, полки состояли из новгородцев под командованием наместника Василия Шуйского и псковичей. Отступавших немцев они нагнали у озера Смолино 13 сентября 1502 г. Это был самый тяжелый бой в военной биографии Даниила Щени…

Ратники передового полка захватили немецкие обозы. Воеводы Андрей Кропоткин и Юрий Орлов-Плещеев не сумели удержать своих людей от грабежа, боевые порядки нарушились. Расплата оказалась горькой: неожиданным ударом немцы разбили передовой полк. Остальные полки Даниила Щени еще не приняли боевой порядок, растянулись по дороге. В этой ситуации самым благоразумным было остановиться или даже отступить, чтобы приготовиться к генеральному сражению. Но в таком случае немцы смогли бы беспрепятственно уйти и сохранить силы для следующих нападений. Воевода решил атаковать.

Русскому войску противостояла мощная фаланга немецкой пехоты, первая линия которой состояла из полуторы тысячи человек, с пушками и аркебузами[3]. Яростной была атака русских ратников. 400 немецких пехотинцев были убиты сразу, их знамя захвачено. Большие потери понесла и немецкая конница, прикрывавшая отход пехоты. Это был успех, но не победа: ослабленное, но все еще боеспособное орденское войско продолжало стоять у озера Смолино.

Видимо, и русские полки понесли значительные потери, так как Даниил Щеня решил возвратиться в Новгород.

Общая военная обстановка торопила Даниила Щеню. 3 декабря он был отозван Иваном III из Новгорода – «воевать в Литовскую землю».

В конечном итоге «полупобеда» при Смолине обернулась большим стратегическим выигрышем. Орденскому войску был нанесен такой урон, что магистр прекратил набеги на Псковскую землю. Высвободились войска, так необходимые на литовском театре военных действий, там, где решался исход всей войны.

В 1503 г. великий князь литовский Александр, ставший к тому времени и польским королем, запросил мира. По условиям мирного договора Иван III сохранил почти все отвоеванные у Литвы земли: 19 городов и 70 волостей. Западная граница России была отодвинута на линию Дорогобуж – Гомель – Чернигов. Однако древний русский город Смоленск остался за Литвой.

В 1503 г., по словам летописца, «немцы приходили ратью на Псков. А великому князю весть пришла наперед. И он послал ко Пскову силу, а воевода был у них князь Данило Васильевич Щеня, немцам не дали к граду приступать и встретили их далеко от града и с немцами бились».

В 1506 г. обострилось положение на «казанской украине», и туда был переброшен Даниил Щеня: в военной иерархии Российского государства он занимал второе место вслед за «воеводой московским».

При новом великом князе Василии III Даниил Щеня стал «воеводой московским», официально заняв пост главнокомандующего. Приближалась новая война с Литвой и Польшей…

В 1507 г. новый великий князь литовский Сигизмунд I Старый принял решение о войне с Россией. В марте начались военные действия. Сначала это были мелкие пограничные стычки, в которых принимал участие Даниил Щеня. В июле 1508 г. он вместе с Яковом Захарьиным осадил Оршу. К тому времени к берегу Днепра близ Орши вышло большое войско Сигизмунда. Десять дней противники стояли друг против друга на разных берегах. Продолжать осаду Орши, имея перед собой «литовскую силу», было опасно, и русские воеводы отвели полки к Вязьме. В сентябре Даниил Щеня захватил Торопец и остался со своими людьми для его обороны.

В начале 1509 г. был заключен мирный договор с Литвой. Замыслы Сигизмунда I – вернуть утраченные после войны 1500–1503 гг. владения – провалились, он официально признал присоединение этих земель к России.

Мир между Россией и Литвой обеспокоил Ливонский орден. Через неделю после его заключения в Москву приехал ливонский посол Голдорн, и сразу же было заключено перемирие сроком на четырнадцать лет.

Нельзя сказать, что для России начались мирные годы: на рубеже первого и второго десятилетий XVI в. начались набеги крымских татар. Но главным оставалась все-таки подготовка к смоленскому походу…

Город Смоленск являлся ключом к решению задачи исторического значения – воссоединения с Россией украинского и белорусского народов, к дальнейшему продвижению в Прибалтику. Днепровский речной путь связывал Смоленск с Киевом. Близлежащий Витебск открывал путь в Прибалтику по Западной Двине. Большие сухопутные дороги вели на Минск и Вильно. Богатый Смоленск имел «почти равную с Москвою величину». Стратегическое значение Смо-

[3] Аркебуза – фитильное ружье с широким раструбом дула.

ленска хорошо понимали и противники России. Смоленск имел первоклассные по тем временам укрепления. Удачным было и расположение города: он стоял на холмах, к тому же был прикрыт рекой.

Так что в военном отношении взятие города казалось почти невозможным. Однако русское население Смоленска не было на стороне Литвы. Литовские великие князья всячески заигрывали с городской верхушкой, давали смолянам привилегии.

Однако все это не перевесило естественную тягу жителей Смоленска к воссоединению с Россией.

Сигизмунд I надеялся на помощь крымского хана Менгли-Гирея, который тоже был обеспокоен усилением России. Вмешательство крымского хана осложнило обстановку, но не остановило русского похода на Смоленск.

Первый смоленский поход начался в ноябре 1512 г. Из Вязьмы к городу двинулся передовой отряд во главе с князем Ренне-Оболенским и конюшим Челядниным, которым было предписано взять только смоленские посады и, не задерживаясь, двигаться к Орше и Друцку. Туда же спешили из Лук полки князей Одоевского и Курбского, новгородские и псковские «пищальники» князя Василия Шуйского. Передовые отряды должны были очистить от противника окрестности Смоленска, а потом прикрыть с запада главные силы от возможного удара короля Сигизмунда. Свою задачу воеводы выполнили. И тогда 19 декабря 1512 г. из Москвы выступили основные силы во главе с великим князем. Фактическим руководителем был опытный воевода Даниил Щеня.

28 декабря великокняжеские полки прибыли в Можайск, где к ним присоединились рати из Дмитрова, Волоколамска, Городца.

В начале января 1513 г. основные силы русского войска начали осаду Смоленска. Сигизмунду не удалось прислать помощь горожанам, потому что передовые отряды русских надежно прикрыли Смоленск с запада. К тому же войско из «Северы» во главе с князем Василием Шемячичем и другими воеводами совершило дерзкий отвлекающий рейд на Киев и даже сожгло городские посады. Первый этап зимней кампании удался полностью. Но дальше дело застопорилось.

Чтобы уменьшить потери, был предпринят ночной штурм, который оказался неудачным.

Шесть недель стояли великокняжеские рати под Смоленском. На исходе февраля Василий III приказал снять осаду. В начале марта войско вернулось в Москву.

Через несколько дней после возвращения в столицу было принято решение о летнем походе на Смоленск. В Вязьме, на литовской границе, был оставлен «в большом полку боярин князь Данила Васильевич». Район Вязьмы был плацдармом, с которого должен был начаться новый смоленский поход.

Но начался он не сразу. «Того же лета июня в 14 день князь великий Василий Иванович всея Русии пошел в Боровск своего для дела смоленского, и пришел в Боровск июня в 18 день, а из Боровска пошел к Смоленску сентября в 5 день». Почему Василий III пошел в Боровск, отклонившись к югу от прямой дороги на Смоленск, и почему он простоял там так долго, упуская самые удобные для похода летние месяцы?

На эти вопросы ответ один: реальная опасность вторжения с юга, со стороны крымского хана Менгли-Гирея. Из Боровска представлялась возможность действовать в любом направлении – и против хана, и против короля. На южную границу пришлось выдвинуть значительные силы. 5 полков были посланы в Тулу, столько же заняли оборонительную линию по реке Угре, «посошные люди» и «дети боярские» из разных городов охраняли броды и «перелазы» через реку Оку. В июне крымские татары действительно приходили под Брянск, Путивль, Стародуб. Но хан, видимо, узнав, что главные силы русского войска стоят в Боровске, не решился на большой поход. В июле на «крымской украине» продолжались небольшие стычки, а затем крымцы ушли. Только тогда начался второй смоленский поход…

Русские воеводы придерживались тактики прошлого похода. Передовые отряды ворвались в Литовскую землю, сожгли смоленские посады и прошли дальше, чтобы не дать возможности королю Сигизмунду прислать подмогу.

Василий III «под Смоленск пришел сентября в 22 день».

Русские воеводы учли уроки прошлой осады и позаботились об усилении артиллерии: в войске Василия III было 2 тыс. больших пищалей, «чего никогда еще ни один человек не слыхивал».

Перед русскими пушкарями стояла трудная задача – Смоленск был первоклассной по тем временам крепостью. Но русские ядра все-таки делали в стенах большие проломы, была разбита одна из башен – Крыношевская. Однако то, что разрушалось днем, ночью восстанавливалось смолянами. Осада затягивалась. Благоприятное для осады летнее время было упущено из-за крымской опасности. «Приспели осени дни студеные, а корму конского скудно было», – печально писал автор «Повести о Смоленском взятии».

А тут еще стали приходить известия, что король Сигизмупд собрал 30-тысячную армию и готовится идти к Смоленску…

Простояв под городом 4 недели, великий князь Василий III 21 ноября возвратился в Москву. То, что это лишь передышка перед новым походом, понимали и Василий III, и король Сигизмунд.

В феврале 1514 г. «князь великий Василий Иванович всея Руси приговорил итти в третий к Смоленску», – свидетельствует разрядная книга. Русские военачальники учли уроки прошлого года и решили, обезопасив себя с юга выдвижением сильного войска в Тулу, направиться весной прямо на Смоленск, чтобы летом закончить дело, невзирая на маневры крымского хана. «Мая в 4 день послал князь великий на Тулу воевод», с ними было пять полков; другие воеводы стояли в Рязани, Серпухове и на реке Угре. Вся «крымская украина» была надежно прикрыта. В Смоленске Щеня должен был принять командование большим полком.

Снова были приняты меры к тому, чтобы отрезать Смоленск от «литовской помощи». 7 июня новгородским наместникам Василию Шуйскому и Ивану Морозову было приказано двигаться к Орше, на «Дрютские поля».

8 июня из Москвы выступил великий князь Василий III с братьями Юрием и Семеном. Рать была собрана огромная – до 80 тыс. человек.

К середине июля основные силы русского войска подошли к Смоленску. Начались осадные работы.

Наконец приготовления были закончены, и 29 июля 1514 г. заговорили «пушки великие». Огонь был сокрушительным.

Летописец так описывал последний день смоленской осады: «… земля колебалась, и друг друга не видели, и весь град в пламени и дыму, казалось, вздымался. И страх великий напал на горожан, и начали из града кричать, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою велел перестать, а они хотят государю бить челом и град сдать».

Над воротной башней Смоленска был выкинут белый флаг. Смоленский наместник Юрий Сологуб и местный епископ Варсанофий пришли в шатер Василия III просить о перемирии на один день. Великий князь требовал немедленной сдачи города. Обстрел возобновился с прежней силой. «Мещане и черные люди» Смоленска не желали больше сражаться с русскими, и под их давлением власти согласились на капитуляцию. В город отправились сын боярский Иван Шигона-Поджигин и дьяк Иван Телешов, чтобы сообщить смолянам условия сдачи. Победители были великодушны: великий князь обещал отпустить «воевод и жолнеров», которые не пожелают перейти на московскую службу; подтверждались прежние «жалованные грамоты» городу; город должен управляться «по старине», освобождался он и от некоторых налогов. Осажденные приняли эти условия.

«И июля в 31 день, – продолжает летописец, – князья и бояре смоленские град отворили, а сами пошли пешком к шатрам великому государю челом ударить и очи его видеть, да тут и приказались великому государю и крест целовали… И в град Смоленск послал боярина своего и воеводу князя Данила Васильевича Щеня и иных своих воевод с многими людьми, и велел им… всех людей града Смоленска к целованию привести и речь им государскую жаловальную говорить».

Это было почетнейшее поручение – первым войти в побежденную крепость, принять присягу у горожан и говорить с ними от имени «государя всея Руси». Это было признание выдающихся заслуг и ратной доблести «большого воеводы» Даниила Щени, его более чем 20-летних воинских трудов на опасном литовском рубеже.

Имя воеводы навечно связано в народной памяти с самым значительным событием военной истории начала XVI столетия – возвращением в семью русских городов древнего Смоленска.

Слава Даниила Щени началась со славной победы на Ведроше. Завершилась его военная биография не менее славно – в коленопреклоненном Смоленске, над которым вновь реяли русские стяги[4].

[4] После 31 июля 1514 г. ни разрядные книги, ни летописи о Данииле Васильевиче Щене не упоминали.

Глава 3. Михаил Воротынский

После «смоленского взятия» основные военные усилия Российского государства были перенесены на юг и юго-восток для защиты от татарских набегов «крымской украины» и «казанской украины».

Военную активность Казанского ханства удавалось иногда нейтрализовать дипломатическим путем, выдвигая и поддерживая дружественно относившихся к России претендентов на ханский престол. Русские «судовые рати» по Великому волжскому пути легко доходили до столицы ханства, вынуждая казанцев на какое-то время «замириться».

Опаснее было Крымское ханство, не поддающееся ни дипломатическому, ни военному воздействию. Крымский хан стал вассалом турецкого султана и последовательно проводил враждебную России политику. Разбойничьи набеги и продажа пленников на невольничьих рынках в крымских городах, вымогание даров и поминок[5] было чуть ли не единственным средством существования для крымских феодалов, так как малопродуктивное кочевое скотоводство Крыма не удовлетворяло стремление хана и его окружения к обогащению. Разгромить это разбойничье гнездо было практически невозможно – Крым отделяли от русских городов огромные просторы Дикого поля. Преодолеть степи большой армией с артиллерией и обозами нелегко, тем более что единственная сухопутная дорога в коренные «крымские улусы» проходила через Перекоп – узкий перешеек, сильно укрепленный турецкими инженерами. Турецкие гарнизоны стояли во многих крепостях Крыма. Решительное наступление на Крымское ханство означало открытую войну с могущественной тогда Османской империей. Оставалось одно – обороняться, надежно прикрыть степную границу.

Это было очень нелегко. Протяженность «крымской украины» огромна, а противник быстр и неуловим.

Огромные усилия, средства и человеческие ресурсы потребовались Российскому государству, чтобы создать оборонительную систему на южной границе. Далеко в степь высылались заставы, способные предупредить о готовившихся нападениях. Устраивались лесные «засеки», строились крепости, дороги перегораживались валами и частоколами, в пограничных городах и на берегу Оки, главном оборонительном рубеже, постоянно стояли воеводы с полками. В наиболее опасное летнее время на «крымской украине» несли свою нелегкую службу десятки воевод.

Постепенно пограничные укрепления соединились в «засечную черту» – единый, сложный оборонительный комплекс, состоявший из укрепленных городов, лесных и водных преград, специально созданных фортификационных сооружений (валы, рвы, частоколы). Эта оборонительная линия длиной около 1000 км – уникальный памятник военной фортификации, не имеющий аналогов в мировой истории. Глубина ее обороны достигала 200 км, не считая выдвинутых в «поле» сторожевых застав.

Но укрепления могли сыграть свою роль, когда они защищались достаточными военными силами. Равномерно распределить войска по всему рубежу было невозможно, требовался умелый маневр наличными силами.

Война на «крымской украине», непрерывная и жестокая, шла с переменным успехом. Часто русские воеводы успевали преградить дорогу татарскому «кошу», разгромить его и отбить пленников. Так было, например, в 1517 г., когда основные силы татар направились на Тулу.

---

[5] Поминки – подарки, посылавшиеся московским правительством в XV–XVII веках татарским ханам с целью предотвратить набеги их орд на русские земли.

Но бывали и неудачи – тяжкие, кровавые. В 1521 г. великий князь Василий III, по словам летописца, «ниоткуда брани на себя не ждал и сам в то время брани не готовил ни на кого, воинские же его люди многие были тогда в своих областях без опасения». А крымский хан Мухаммед-Гирей выступил в поход «со всею с Ордою с Заволжскою, и с ногаями». Есть сведения, что к походу присоединились и казанские татары. Общая численность ханского войска достигала 100 тыс. человек – сила по тем временам огромная. Нападение было неожиданным. Татары подошли к «перелазам» через Оку раньше, чем туда подоспели русские полки, и прорвались через «берег», разорили «Коломенские места, и Каширские, и Боровские, и Владимирские, и под Москвой воевали». Пострадали даже окрестности столицы. «Татары под Москвой повоевали, и монастырь Николы-чудотворца на Угреши и великого князя село любимое Остров сожгли, а иные татары и в Воробьеве, в великого князя селе, были и мед на погребах великого князя пили, и многие села князей и бояр около Москвы пожгли, а людей пленили». Подобного разорения русская земля давно не знала.

Но больше крымским татарам повторить свой прорыв через Оку не удавалось.

Пограничные войны с крымскими татарами требовали быстрых перемещений полков, обходных маневров, дерзких рейдов «легких воевод» наперерез отступавшим ордынцам, упорной обороны пограничных крепостей и «перелазов» через реки, организации разведки. «Воеводы от поля» были опытными и искусными полководцами. Наиболее известным из них стал князь Михаил Иванович Воротынский, составитель первого русского устава сторожевой и пограничной службы.

Отец воеводы Иван Михайлович Воротынский первым из «верховских князей» перешел на московскую службу, оборонял «крымскую украину» от набегов из степи, вместе с великокняжескими полками воевал с литовцами. Военная карьера Михаила Воротынского началась поздно: Воротынские попали «в опалу», и Михаил с братьями несколько лет провели в темнице. Впервые разрядная книга упоминает о нем в 1543 г. как о воеводе пограничного города Белева.

В 1544 г. он уже был воеводой большого полка и наместником в Калуге, но участия в военных действиях не принимал. Тогда «приходили татары крымские на Рязань», однако были отогнаны местными воеводами без помощи больших полков.

С середины 40-х гг. центр тяжести борьбы переносится восточнее, на «казанскую украину». Туда переводят и воеводу Михаила Воротынского. В 1545 г. он «годовал» в «Васильгороде» (Васильсурске), построенном в 1522 г. в устье реки Суры и являвшемся передовым оплотом против Казанского ханства.

В 1547 г., когда русские рати ходили «к Казани горнею стороню», Михаил Воротынский был воеводой полка правой руки. В 1549 г., когда снова был объявлен поход на Казань, приказано «в Ярославле быть воеводам левой руки князю Михаилу Ивановичу Воротынскому да Борису Ивановичу Салтыкову». В 1550 г. он был в Костроме наместником; в июле был отозван в Коломну, откуда вместе с другими воеводами «ходил… царевича поберечь» к Рязани. В 1551 г. Михаила Воротынского отпустили в свой «удел», в Одоев, возвращенный ему царем Иваном Грозным вместе с почетным званием «слуги». Но ненадолго. Под тем же годом в разрядной книге записано, что «с Дмитриева дня по ногайским вестям на Рязани были слуга и воевода князь Михаил Иванович Воротынский да воевода Андрей Михайлович Курбский». В «приговоре» 1552 г. о казанском походе записано: «В большом полку воеводы боярин князь Иван Федорович Мстиславский да слуга князь Михаил Иванович Воротынский». Михаил Воротынский, таким образом, занял второе место в военной иерархии Российского государства.

Казанский поход готовился в сложной обстановке: в любой день можно было ожидать нападения крымского хана с юга.

Опасения не были напрасными. 22 июня 1552 г. «пригнал с Тулы гонец от князя Григория Темкина, что сам царь (крымский хан. – *В.К.*) пришел и приступает к Туле… а наряд с ними многий и многие янычары турецкие». Защитники Тулы отразили все приступы. На помощь им уже спешили «легкие воеводы» с конными ратями. Крымский хан принял их за авангард всего русского войска и поспешно отступил.

Среди воевод, отразивших набег Девлет-Гирея, был и Михаил Воротынский.

В начале июля русское войско выступило в поход. Есть данные, что численность его достигала 150 тыс., хотя некоторые военные историки считают эту цифру завышенной. «Наряд» состоял из 150 «больших пушек», сыгравших решающую роль во взятии Казани. По двум маршрутам – через Владимир и Муром и через Рязань и Мещеру – полки двигались к Свияжску, русской крепости в 25 км от Казани, построенной во время прошлого казанского похода. Всего за четыре недели русские мастера возвели деревянные стены и башни, дома и амбары для припасов. Так была создана база осады.

Русское войско, пришедшее в Свияжск 13 августа, получило там боеприпасы, продовольствие, средства осады, пушки – боевые запасы накапливались давно, по Волге сюда приходили судовые караваны. 17 августа началась переправа через Волгу, длившаяся два дня.

19 августа русские полки подступили к Казани.

Казань была сильной крепостью, к тому же защищенной с двух сторон серьезными естественными преградами – болотистой речкой Казанкой и тинистым Булаком. Удобное для приступов место было только с востока, с Арского поля, но из расположенного за полем леса возможны были тыловые удары татар (что и случилось впоследствии). Столицу Казанского ханства окружали крепкие деревянные стены с 15 башнями, рвы глубиной до 15 м. Внутри городских стен была еще одна крепость с 8 башнями и высокой дубовой стеной. Город имел многочисленный гарнизон: 30 тыс. казанцев и 3 тыс. ногаев; его поддерживал почти 30-тысячный отряд конницы князя Япанчи, нападавший из Арского леса.

Русские воины окружили город. На Арском поле разбили свои станы большой и передовой полки. Левее, за речкой Булак, стоял царский полк, там находилась ставка Ивана Грозного.

Осадным работам очень мешал огонь со стен и многочисленные вылазки казанцев. Против Арских и Царевых ворот установкой туров руководил «большой воевода» Михаил Воротынский. Казанцы ночью устроили неожиданную вылазку. Михаил Воротынский сражался в первых рядах, получил несколько ран. В конце концов казанцы были сброшены обратно в ров, туры удалось отстоять.

29 августа установленные за турами пушки начали обстреливать Казань. Русские розмыслы[6] рыли подкопы под стены и башни. Взрывом был уничтожен подземный ход, по которому казанцы ходили за водой. Еще раньше перегородили плотиной и отвели от города речку Казанку. На Арском поле выстроили деревянную башню высотой 13 м, только больших пушек на ней насчитывалось 10. Башню подкатили к стене между Царевыми и Арскими воротами и стреляли по городу, «аки с небес». Казанцы несли большие потери.

Русским приходилось отбивать и удары с тыла – «царевич» Япанча нападал из Арского леса. Это продолжалось до тех пор, пока отряд «царевича» не был разгромлен ратью князей Горбатого-Шуйского и Серебряного.

Осадные работы затянулись больше чем на месяц. Только 30 сентября был предпринят первый штурм. Захватив Арскую башню, передовые отряды ворвались на городские улицы. Михаил Воротынский посылал гонцов в ставку царя, прося помощи, настаивая на общем штурме. Но другие воеводы оказались неготовыми к приступу. Ратникам большого полка пришлось уйти из города…

---

[6] Розмыслы – инженеры в Русском государстве XVI–XVII вв., руководившие, главным образом, строительством укреплений и изготовлением артиллерийских орудий.

Однако Арская башня осталась в руках русских стрельцов.

Штурмовать город предполагалось со всех сторон, чтобы обороняющиеся не могли маневрировать, но главный удар по-прежнему планировался со стороны Арского поля большим полком Михаила Воротынского. В ночь с 1 на 2 октября Воротынскому стало известно, что казанцы узнали о подкопах. Это грозило провалом всего плана. Воевода настаивал на немедленном общем штурме. За 2 часа до рассвета все полки двинулись к стенам Казани…

Оглушительные взрывы раскололи тишину. Обрушилась стена возле Арских ворот. Огненный смерч разметал Ногайские ворота.

Через проломы воины большого полка воеводы Михаила Воротынского ворвались в город.

Стоявший рядом передовой полк тоже сумел преодолеть стены. Другим штурмовым колоннам не удалось ворваться в город, но свое дело они сделали: противник перебросил подкрепления против большого полка только тогда, когда ратники Михаила Воротынского уже сражались на городских улицах. Между тем казанцы начали контратаковать. Воевода Михаил Воротынский просил у Ивана Грозного помощи, и она пришла. Половина царского полка переправилась через реку Булак к проломам, которые удерживали стрельцы, и через них вошла в город. Теперь уже теснили русские полки, медленно пробиваясь к мечети, которую казанцы обороняли особенно упорно. Другой очаг сопротивления был в укрепленном ханском дворце. Но и там защитникам города не удалось удержаться. «Царь» Едигер был взят в плен. 6-тысячный отряд казанцев попытался вырваться из города, спустился со стены к речке Казанке, но с противоположного берега их встретили пушечным огнем. Уцелевших казанцев окружили и почти всех пленили. Взятие Казани окончилось. Царь Иван Грозный в окружении воевод торжественно въехал в город.

После «Казанского взятия» князь Михаил Иванович Воротынский был включен в состав «ближней думы» царя, но в первую очередь оставался по-прежнему воеводой. В 1553 г. Михаил Воротынский вместе с князем Иваном Шуйским возглавлял большой полк в Коломне. В 1554 г. мы уже видим его «в Свияжском городе на годовании». Там же воевода оставался и в следующем году. Весной 1556 г. – Михаил Воротынский уже на «крымской украине», во главе большого полка в Коломне, летом – с большим полком «на устье Протвы», а осенью – в передовом полку в Калуге. В 1557 г., получив известия, что «царь крымский вышел со многими с прибылыми людьми», Иван Грозный «приговорил для своего дела и земского итти на Коломну». В этом походе Михаил Воротынский был «дворцовым воеводой», при особе царя.

В 1558 г. началась Ливонская война – Россия пыталась вернуть выход к Балтийскому морю. Но Михаил Воротынский, как признанный «полевой воевода», был оставлен на «крымской украине». В июне бежавший из Крыма «полоняник» сообщил, что «царь крымский со всеми людьми готов в Перекопе, а к турскому (к султану) просить людей послал, а как турский царь людей на помочь ему пришлет, и тогда-де царь крымский хочет быть на великого князя украины». Немедленно были выдвинуты войска в Калугу и первым воеводой большого полка назначен Михаил Воротынский. Выступить в поход готовился и сам Иван Грозный. Михаил Воротынский получил ответственнейшее задание: «Велел государь слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому итти на Каширу, а с Каширы итти на Дедилов, а с Дедилова на поле места смотреть, где государю и великому князю полком стоять». Осенью, когда опасность большого крымского вторжения миновала, «слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому велел государь итти на службу в его вотчину в Одоев».

Военными тревогами был заполнен для Михаила Воротынского и 1560 г. В весеннем «разряде от поля» он записан воеводой «на Туле», затем возвращен в пограничный Одоев, однако осенью, когда с «поля» пришли вести о готовившемся набеге, снова «на Туле слуга князь да боярин князь Александр Ивановичи Воротынские». В 1562 г. в «разряде береговом от поля» вновь упоминается «в большом полку воевода князь Михаил Иванович Воротынский».

В этом году крымский хан Девлет-Гирей с 15-тысячной ордой сжег посады Мценска, нападению подверглись Одоев, Новосиль, Белев и другие «украинные города». Ордынский набег чуть не сорвал поход русского войска на Полоцк. Только умелые действия пограничных воевод позволили отогнать хана. Оборону юга фактически возглавлял Михаил Воротынский.

Тем временем Ливонская война затягивалась, на смену первым блестящим победам пришли тяжкие поражения, продолжение войны требовало крайнего напряжения сил страны. Историки видели причины этого не только во вмешательстве соседних государств – Польши, Литвы и Швеции, но и в полководческом искусстве нового польско-литовского короля Стефана Батория. Все это, конечно, повлияло на ход войны. Но, пожалуй, важнее было то, что России пришлось фактически воевать на два фронта. Южная граница подвергалась непрерывному военному давлению со стороны Крымского ханства. Из 25 лет Ливонской войны только в течение 3 лет не было крымских нападений. Не менее 12 раз крымский хан Девлет-Гирей предпринимал большие вторжения в русские земли значительными силами, по нескольку десятков тысяч всадников, количество же мелких набегов вообще не поддается учету. От «поля» приходилось постоянно держать на «крымской украине» десятки воевод с полками. И в том, что южный фронт выстоял против такого натиска, большая заслуга воеводы Михаила Воротынского.

Но после 1562 г. его имя вдруг исчезает из разрядной книги. Измена князей Вишневецкого и Бельского привела к многочисленным опалам. Пострадали князья Воротынские, они были отозваны с южной границы и заключены под стражу, вотчины их конфискованы. Александра Воротынского сослали в заволжский город Галич, «в тын», а Михаила Воротынского с семьей – в Белоозеро. Опальному «большому воеводе» было разрешено взять с собой только 12 слуг и столько же «черных мужиков» и «женок». Возможно, сыграла роль и близость Михаила Воротынского к Алексею Адашеву, возглавлявшему правительство «избранной рады»: падение правителя тяжело отразилось на судьбе его друзей и сторонников.

Впрочем, содержался в ссылке Михаил Воротынский в довольно хороших условиях, ему ежегодно отпускалось из казны около 100 руб., сумма по тем временам весьма значительная. В 1565 г. Михаил Воротынский получил только в счет «недодачи» за прошлый год 3 ведра рейнского вина, 200 лимонов, несколько пудов изюма, 30 аршин «бурской» тафты и другое добро. И тем не менее ссылка была тяжелым испытанием для Воротынского, потому что она означала отлучение от ратных дел, составлявших смысл жизни прославленного полководца…

К счастью, опала продолжалась недолго. Осенью 1565 г. Михаил Воротынский получил новое высокое назначение: имя воеводы стояло в «росписи» вторым после двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, а сам он был поставлен воеводой большого полка. Ему возвратили Одоевский удел. Перед Земским собором 1566 г. Воротынский вместе с князьями Мстиславским и Бельским официально руководил Боярской думой.

Возвращение Михаила Воротынского не было случайным. В 1567 г. Крым и Польша заключили военный союз. Турецкий султан планировал совместный с крымским ханом поход на Астрахань, присоединенную к Российскому государству. Без такого опытного воеводы, как Михаил Воротынский, на «крымской украине» было трудно обойтись.

1567 г. застал Михаила Воротынского в Серпухове воеводой полка правой руки. 3-тысячная крымская орда пришла тогда на «московские украины», ограбила Северскую землю. В 1568 г. Михаил Воротынский снова в Серпухове воеводой передового полка. В летней кампании этого года ему отводилась ведущая роль.

Воротынский снова возглавил оборону южной границы.

1569 г. принес новые военные тревоги. 17-тысячная турецкая армия при 100 тяжелых пушках, с отрядами крымцев и ногайцев до 40 тыс. человек двинулась на Астрахань. Но все приступы турок были отбиты, немногим из них удалось вернуться в Азов. Астраханский поход провалился.

Весной 1570 г. 50-тысячная крымская орда подступала к Рязани и Кашире. С большим трудом ее удалось отогнать и отбить полон. Михаил Воротынский находился сначала в Серпухове, затем, когда Иван Грозный «велел итти с Москвы на берег большим воеводам», в Коломне, а когда царь сам выступил в поход, «князь Михаила Иванович Воротынский с товарищами были у государя же в Серпухове».

Царский поход в Серпухов был вызван многочисленными «вестями» станичников, сообщавших, что хан с большими силами двигается к «украине» и Иван Грозный решил разгромить крымцев. Для этого ему пришлось отложить уже подготовленный поход на Ревель. Время шло, а крымские татары не появлялись. Путивльский наместник Петр Татев прислал «грамоту», что по его поручению сторожевые казаки ездили в Дикое поле и не обнаружили даже следов крымской конницы.

В Серпухове собрали военный совет, который пришел к грустному выводу: «Царю и великому князю самому и сыну его царевичу Ивану стоять в Серпухове нечего для того, что про царя и про царевичей и про больших людей все станичники во всех местах, где, сказали, видели людей и по сакме смечали до тридцати тысяч, то солгали…»

Случай был чрезвычайный, и отнестись к нему следовало со всей серьезностью – сторожевая служба явно не справилась со своей задачей. Требовалась ее коренная реорганизация, что и было поручено самому опытному «воеводе от поля», руководителю всей обороны «крымской украины» князю Михаилу Воротынскому.

Поручение оформили специальным царским «наказом»: «Лета 1079 (1571), января в 1 день, приказал государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярину своему князю Михаилу Ивановичу Воротынскому ведать станицы и сторожи и всякие государевы польские службы».

Михаил Воротынский начал с подробного изучения документов Разрядного приказа, касающихся пограничной службы на южной границе. Затем в Разрядный приказ были вызваны с «крымской украины» служилые люди, прежде всего те, кто имел большой опыт по охране границы. Были привлечены к работе над уставом даже те, кто давно покинул службу по старости или увечью.

В начале 1571 г. «из всех украинных городов дети боярские, станичники и сторожи и вожи (проводники. – *В.К.*) к Москве все съехались».

Обстоятельно расспросив опытных служилых людей, «как бы государеву станичному делу было прибыльнее», князь Михаил Воротынский «приговор велел писать». Одновременно на границу были посланы «станичные головы», чтобы лично убедиться в правильности расстановки сторожевых застав. По «украинным городам» ездили с той же целью воеводы и дьяки Разрядного приказа. 16 февраля 1571 г. был принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», первый в истории России пограничный устав. «По государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин князь Михаиле Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах, и о всех украинных дальних и ближних, и о месячных сторожах, из которого города к которому урочищу станичникам поваднее и прибыльнее ездить, и на которых сторожах и из которых городов и по скольку сторожей ставить, где было б государеву делу прибыльнее и государевым украинам было бережнее, чтобы воинские люди на государевы украины безвестно войною не приходили, а станичникам бы к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые б места были усторожливы, где б им воинских людей можно устеречь…»

Два основных элемента составляли пограничную службу на «крымской украине» – сторужи и станицы.

Сторожа – постоянная застава, за которой закреплялось 30–50 верст степной границы. Обычно на ней несло службу до 10 сторожей. Часть их стояла дозором в каком-нибудь удобном

для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по степи. Сочетание неподвижного дозора со сторожевыми разъездами позволяло прикрыть немногими людьми значительный участок границы: если крымцы незаметно проскальзывали мимо дозора, следы крымской конницы – «сакму» – обнаруживали разъезды.

Подвижные сторожевые заставы – станицы – состояли из 4–6 всадников, которые непрерывно ездили вдоль границы, отыскивая татарские «сакмы». За 2 недели обязательной службы станица проезжала 400–600 верст. Маршруты станичников были намечены так, чтобы, пересекаясь, они охватывали всю степную границу. Проскочить незамеченными не могли даже небольшие отряды крымской конницы.

Особое внимание уделялось безопасности сторожей и станичников при несении службы. «Стоять сторожам с коней не сседая, – наказывали составители „приговора“. – А станов им не делать, и огни класть не в одном месте. Коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды. А в коем месте кто полдничал, в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать». Однако эти обязательные меры безопасности вовсе не означали, что сторожа просто прятались: оставаясь невидимыми, они сами должны были видеть все. Им было ведено «в лесах не ставиться, а ставиться им в таких местах, где б было усторожливо».

Заметив движение крымской конницы, сторожа обязаны послать гонца в ближайший пограничный город, а сами продолжать наблюдение. «Приговор» обязывал их также «по сакмам и по станам людей измечать», чтобы выяснить численность врага. Кроме того, они должны были узнать, «на которые государевы украины воинские люди пойдут», и лишь «про то разведав гораздо, самим с вестями спешить к тем городам, на которые воинские люди пойдут». Особое внимание уделялось подлинности «вестей».

Впрочем, наказаний за «ложные вести» устав не предусматривал. Его составители из двух зол выбирали меньшее: лучше было лишний раз поднять тревогу, даже ложную, чем узнать о набеге слишком поздно.

За самовольный же отъезд сторожей и станичников со службы предусматривались очень суровые наказания. «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненными смертью». За каждый лишний день служилые люди получали с припоздавшей смены довольно большую по тем временам денежную компенсацию: «по полуполтине на человека на день». Правильность несения службы контролировали воеводы и станичные головы. Если выяснялось, что «они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бить кнутом».

Но устав не только требовал, он и создавал условия для успешного несения пограничной службы. «Боярский приговор» предусматривал обеспечение сторожей и станичников хорошими конями.

Случалось, что сторожа и станичники, торопясь вовремя доставить «вести», загоняли своих коней насмерть, теряли имущество. Устав предусматривал в таких случаях денежную компенсацию.

Строго была регламентирована и продолжительность службы на границе. Каждая сторужа должна была «стоять с весны шесть недель, а по осени по месяцу». Станицы объезжали свой участок границы в течение 15 дней, да еще 2 недели были в резерве в своем пограничном городе, чтобы прикрыть границу, если «которую станицу разгонят» напавшие татары.

Каждый участок границы, на котором стояло несколько сторуж и станиц, возглавлялся станичным головой. В его распоряжении был отряд «детей боярских» численностью 100–130 человек. Им платили большое по тому времени жалованье – «польская служба» считалась трудной и опасной. «Станичным головам, которые ездят на поле в станицы, давать проезжего по четыре рубля, а детям боярским, которые ездят с ними в станицы, давать проезжего по два рубля человеку».

Были составлены подробные «росписи», где именно быть «стоялым сторужам», на сколько верст и в какую сторону двигаться «разъездным сторужам», до какого урочища нести службу и где встречаться с разъездами соседней сторужи. Всего в росписи было 73 сторужи, которые объединялись в крупные участки: «донецкие сторожи» и т. д.

Свои особенности имела сторожевая служба на «засечной черте». Специальная «лесная стража» охраняла заповедные пограничные леса и «засеки». На высоких («призначных») деревьях сооружались караульные площадки. Там стояли кузова со смолой и берестой, которые поджигались в случае опасности. Клубы черного дыма, поднимаясь над «призначными деревьями», оповещали о набеге. Постоянно были наготове гонцы, сообщавшие о появлении степняков в пограничные города.

В уставе исключительное значение придавалось инициативе и самостоятельности сторожей и станичников, которые в большинстве случаев могли надеяться при столкновениях с татарами только на собственные силы да на отличное знание местности.

Основные положения «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» действовали более 100 лет. Пожалуй, немногие воинские уставы в мире имели столь долгую жизнь.

Реорганизация станичной и сторожевой службы на основе «приговора» требовала значительного времени, а его-то и не оказалось в распоряжении русских воевод. Весной 1571 г. Девлет-Гирей начал очередной поход. Он собрал около 40 тыс. конных воинов, крымцев и ногаев. Основные силы России в тот момент направлялись в поход на Ревель, поэтому «береговые воеводы» на Оке имели в своем распоряжении не более 6 тыс. ратников. Под Кромами крымская орда «перелезла» Оку и в обход Серпухова, где стоял с опричным войском Иван Грозный, устремилась к Москве. Татары зажгли московские посады и Земляной город, начались пожары в Кремле. Но ворваться в столицу Девлет-Гирею не удалось. Полк воеводы Михаила Воротынского отбил все атаки крымцев. А когда хан начал отступление, Михаил Воротынский вместе с ратниками «провожал» хана до самого Дикого поля.

Однако удачные действия полка Михаила Воротынского мало повлияли на общее положение. Главные силы хана Девлет-Гирея успели уйти. Крымский посол хвастался в Литве, что «ханские люди» убили в России 60 тыс. человек и еще столько же увели в полон.

В это же время восстали казанские и астраханские татары, разорвала вассальные отношения с Москвой Большая ногайская орда.

А Девлет-Гирей готовился к новому нашествию, мечтая о полном завоевании России.

Он заранее распределил между своими «царевичами» и мурзами русские города, выдал купцам «проезжие грамоты» для беспошлинного торга на Волге. Турецкому султану Девлет-Гирей обещал завоевать Россию в течение года, а царя Ивана пленником привести в Крым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.